Непобедимое солнце. Книга 2

Автор:
Виктор Пелевин

Непобедимое солнце. Книга 2

Виктор Олегович Пелевин

Непобедимое солнце #2

Саша – продвинутая московская блондинка. Ей тридцатник, вируса на горизонте еще нет, и она уезжает в путешествие, обещанное ей на индийской горе Аруначале лично Шивой.

Саша встретит историков-некроэмпатов, римских принцепсов, американских корпоративных анархистов, турецких филологов-суфиев, российских шестнадцатых референтов, кубинских тихарей и секс-работниц – и других интересных людей (и не только). Но самое главное, она прикоснется к тайне тайн – и увидит, откуда и как возникает то, что Илон Маск называет компьютерной симуляцией, а Святая Церковь – Міром Божьим.

Какой стала Саша после встречи с тайной, вы узнаете из книги. Какой стала тайна после встречи с Сашей, вы уже немного в курсе и так.

Виктор Пелевин

Непобедимое Солнце. Книга II

© В. О. Пелевин, текст, 2020

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2020

?

К завтраку вышли только Со и Тим – дети, видимо, сильно вчера притомились и спали.

Проглотив омлет с салатом из авокадо, я налила себе чаю – и поняла, что самое время задать уже давно занимавший меня вопрос.

– Скажите, а Раджив знает о Камне? Майкл и Сара знают? Как ко всему этому относится ваша семья?

Тим и Со переглянулись. Тим усмехнулся.

– Эти трое вовсе не наша семья, – сказал он.

– А кто они?

– Персонал, изображающий наших непутевых деток. Мы им платим приличную зарплату, а они ни во что не лезут. Их задача – курить дурь, чтобы ею за версту разило от корабля, и приводить сюда разных фриков. В общем, следить за тем, чтобы шторы вокруг Камня были задернуты самым плотным образом.

– Какие шторы?

– Я фигурально выражаюсь. Камень надо особым образом прятать. Это психоактивный объект.

– В том смысле, что он думает?

– Нет, – ответил Тим. – Вернее, я не знаю. Со, объясни.

Со улыбнулась.

– Камень активен в том смысле, что его близость могут заметить медиумы и чувствительные люди. Они ощущают… как бы это сказать, притяжение тайны.

Легкую тревогу, возбуждение. В общем, исходящую от Камня вибрацию. Так его раньше и находили. Но если постоянно держать рядом компанию укуренных придурков, эту тонкую вибрацию можно замаскировать другими, куда более грубыми. А если время от времени приводить свежих фриков, Камень можно скрыть полностью. Спрятать за плеском нечистого сознания как за шторой.

– Ага, – сказала я. – Вот зачем тут эти борцы с системой и прочие анархисты.

– Анархисты, шестнадцатые референты, кто угодно. Новые люди, попадающие в орбиту Камня, на время изменяют его вибрации. Как будто Камень собирает опыт. На время он становится незаметен. Думаю, шестнадцатого референта хватит дней на пять. Потом опять надо будет искать свежих идиотов. Так что у Раджива, Майкла и Сары не такая простая работа. Жесткий график. И вредно для легких.

– Я знаю многих, кто записался бы к вам на собеседование, – сказала я.

Тим развел руками.

– Пока вакансий нет.

– Ребята справляются, – кивнула я. – Я решила – вот она, настоящая современная семья. Прямо голливудская классика. Мать не может до конца принять гомосексуальность сына, потому что она родом из реакционной Рашки…

Со улыбнулась.

– Generation gap, – продолжала я, – отцы и дети…

Замолчав, я задумалась, почему так говорят – «отцы и дети». Ну да, был такой роман у Тургенева. Интересно, а «дочки-матери» – тоже чей-то роман?

– Наша семья, – сказал Тим, – не Майкл и Сара. Это Камень и ты.

– Спасибо.

– Не благодари, это та еще семейка. Фрэнк тоже был одним из нас. Но мы его потеряли. Хочется верить, что скоро в нашем семействе появится кто-то новый.

И Тим выпучил на меня глаза.

– Вы к тому, что я должна его привести?

– Ты сама слышала Фрэнка, – ответила Со.

– Я пока не знаю, как его искать. И где.

– Мы тебя не торопим. Но надеемся, что ты обо всем помнишь сама…

Еще бы, подумала я, забудешь такое.

– Через несколько дней «Аврора» поплывет на Тенерифе, – сказала Со. – У тебя есть шенгенская виза?

– Есть.

– Хорошо, – сказал Тим. – А дальше мы запустим тебя в свободный поиск. Не потому что нам не нравится твое общество. Оно нам очень нравится, Саша. Но ты должна найти танцующего.

Мне понравилось это «запустим тебя в свободный поиск». Как будто я была дроном, взлетающим с авианосца. Впрочем, может быть, я им теперь и была.

Я совершенно не представляла, что делать – но решила не торопить события. Пусть завтра само позаботится о себе, ведь так, учителя и махатмы?

Воображаемые махатмы благостно кивнули, и я успокоилась. В конце концов, духовные учения хороши тем, что в них можно найти оправдание для любого образа действий. Ну правда для любого. Неохота на работу идти – не десять ли птиц покупают за два ассария? А о каждой господь лично заботится, вельми же ля-ля-ля… Хочешь кого-то убить – не мир я принес, но меч, а конкретно – двуручную катану, с которой сейчас и познакомлю собравшихся…

Будущему пророку на заметку: три раза фильтруй базар. Каждую фразу выпилят из контекста и возьмут на вооружение. И хорошо, если мирные лентяйки вроде меня, а не какие-нибудь рыцари регресса из исламской теократии, докручивающие в подвале водородную бомбу.

Кстати, американцы же давали своим бомбам имена – типа, «Толстяк». А как назовет свою бомбу исламская теократия? Это очень ответственное решение, потому что название будут часто повторять на кабельных новостях. Наверно, муллы даже наймут какое-нибудь западное агентство для правильного брендинга – наши же нанимают. Будет называться, например, «Mother of all Selloffs». Или «Dow Nemesis». Или «Wall Scream»[1 - «Мать всех распродаж», «Немезида индекса Доу», «Уолл-Крик».].

Ох, как скачут мысли. Ну что же, Тенерифе так Тенерифе. В Стамбуле вроде никаких дел…

И тут я вспомнила про дело, которое было у меня в Стамбуле.

Ахмет Гекчен. Я как-то совсем вынесла это знакомство за скобки. Психологи называют такое вытеснением. На самом деле непонятно было, как правильно поступить – рассказать Со и Тиму? Или сначала встретиться?

Главное, этот Гекчен вовсе не запрещал про себя говорить. Он только сказал – если спросят. Запрети он, и я бы точно не стала молчать. Но он разрешил. А меня не спросили.

На следующий день я решилась. Сказав Тиму, что еду в центр поглядеть напоследок на древности, я взяла такси до Софии, вылезла на одной из прилегающих улиц – и набрала сфотографированный номер.

На том конце отозвались по-турецки. Знакомый голос.

– Алло, – сказала я, – здравствуйте. Ахмет?

– Да, – ответил Гекчен по-английски. – Кто это?

– Саша. С которой вы летели в самолете. Я через несколько дней уезжаю из Стамбула. Это последняя возможность встретиться.

– Ага, – сказал Гекчен. – Александра. Ты где?

– Я в центре. У Софии.

– Хочешь приехать ко мне?

Я подумала. Стамбул, мамелюки, наручники. И так далее.

– Нет. Может быть, вы приедете в центр?

– Боишься, – вздохнул он. – Я понимаю. Хорошо. Жди меня у…

Он сказал что-то похожее на «орме дикилиташ».

– Простите?

– Обелиск Константина. Не колонна Константина, а обелиск. На древнем гипподроме. Еще называется «walled obelisk». Пока я буду ехать, ты как раз не спеша дойдешь.

Все-таки я попала на гипподром. Не мытьем, так катаньем. Или, вернее, не Мехметом, так Ахметом.

Когда я подошла к обелиску, Гекчен был на месте.

В прошлый раз он показался мне божьим одуванчиком. Одуванчик Аллаха. Свежо звучит. Но теперь Гекчен им уже не выглядел. На нем был серый костюм, синяя рубашка и желтый в полоску галстук, и еще он аккуратно постригся и укоротил усы. Его вполне можно было принять и за бизнесмена, и за полицейского начальника. Респектабельный турецкий джентльмен.

– Здравствуй, – сказал он. – Ты здесь уже была?

– Где «здесь»?

– На гипподроме. Пойдем пройдемся, чтобы не привлекать внимания…

Он взял меня под руку.

Я не знала, какие в Турции правила proximity и личного женского пространства – и вообще, значат ли эти слова что-то кроме персонального угла в гареме. Но Гекчен был само приличие, и я безропотно пошла по променаду рядом с ним.

Постепенно я успокоилась. Вернее, поняла, что до этого безумно нервничала.

– Лучшее место для прогулки, когда приезжаешь ненадолго в Стамбул, – сказал Гекчен. – Знаешь, что тут было раньше? Вот здесь, где мы идем, проносились колесницы. А вот тут, где стоят обелиски, был центр трека. В смысле, той зоны, где проходили гонки. Здесь выставлялись сокровища античного искусства. Гонки на колесницах в древности были сердцевиной политического процесса – и я думаю, что наша цивилизация постепенно вернется к чему-то подобному…

– А какая в гонках политика? – спросила я.

– Болельщики делились на партии. Синие, зеленые и так далее. Это было примерно как наши парламентские объединения. В самом прямом смысле. Болельщики «синих» или «зеленых» могли организовать в стране революцию. Вот прямо здесь, – Гекчен обвел рукой вокруг, – в один день погибло сорок тысяч болельщиков.

– Что, была такая давка?

– Нет, не давка. Это были участники восстания «Ника», болельщики «зеленых». Они хотели устроить самый настоящий госпереворот. Гипподром служил им чем-то вроде штаба и главной базы. А солдаты Нарцесса – это такой византийский полководец – закрыли выходы и вырезали всех, кто тут был. Всех вообще…

Я поглядела в окружающую пустоту уже с гораздо большим уважением.

– Здесь что, были стены?

– Да. Как бы Колизей, сильно вытянутый в длину.

Мимо проплыл гранитный египетский обелиск, такой гладкий, аккуратный и высокотехнологичный, что рядом с ним византийские барельефы пьедестала казались торопливой халтурой. Обелиск покоился на четырех металлических кубиках под углами – фактически висел в воздухе. Выглядело это как-то не слишком надежно. Даже подозрительно.

То же относилось к Гекчену. Почему я вообще ему верю?

– Скажите, Ахмет, а кто вы на самом деле?

– Я профессор в Стамбульском университете. И приехал сюда прямо после семинара.

– Вы изучаете… Ну, эпоху Каракаллы?

– И ее тоже, – усмехнулся он. – Поздняя античность – мое хобби. Но вообще-то я специалист по суфийской поэзии. Ты уже видела Камень?

Я кивнула.

– И знаешь, что это такое?

– Да. Ритуальный объект из Сирии. «Бет-эль», как тогда говорили. Дом бога.

– Ты знаешь, какую роль Камень сыграл в жизни императора Элагабала?

– Знаю, – сказала я. – Император танцевал перед ним, когда был маленьким.

– А ты знаешь, почему Камень называли «Sol Invictus»?

– Насколько я помню, «Sol Invictus» – один из титулов бога Солнца. То же самое, что «Элагабал». Римский культ конца третьего века.

– Если бы ты сдавала мне зачет, – сказал Гекчен, – я бы, конечно, тебе его поставил. Но в действительности все обстоит иначе. «Sol Invictus» – не бог Солнца, а именно этот камень. Хотя потом так стали называть и солнечного бога тоже. Смысл у этого названия не такой, как кажется. И Камень – тоже не совсем то, что тебе сказали.

– А что мне сказали?

– Ты полагаешь, это некий магический артефакт, способный творить чудеса и управлять событиями. И это действительно так. Но на самом деле все гораздо серьезней. «Sol Invictus» – это объект, создающий всю нашу реальность. Так называемый «центральный проектор».

– Так называемый – кем?

– Теми, кто про него знает. Так природу этого объекта объясняли существа, стоящие выше нас. Гораздо выше. Сохранились записи, которые я обнаружил…

Так, подумала я, интересно. Это он вообще серьезно? Про высших существ и так далее? Не будем на всякий случай возражать. Вдруг он нервный.

– Но Тим не хочет со мной говорить, – продолжал Гекчен. – Просто не хочет… Он меня избегает.

Значит, они знакомы, поняла я. Ну и слава богу.

– А почему такое странное название? Почему «центральный проектор»?

– Потому что все без исключения в нашем измерении – его порождение. Включая нас с тобой, этот разговор и даже само наше измерение. Названий у него много. «Камень философов» – одно из них. Другое – «фонарь Платона». Имеется в виду источник света, который создает платоновскую пещеру и все ее тени. Третье – «шарнир реальности». Считают, что этот объект создает как бы разрывы в истории, после которых ее направление непредсказуемо меняется. Но это просто побочный эффект. Самое точное название – проектор «Непобедимое Солнце».

– А почему «Непобедимое»?

– Потому что ему не может противостоять ничто. Картинка на экране не может угрожать проекционному аппарату. Для картинки на экране проектор – это непобедимое солнце.

– Позвольте, – сказала я, – но ведь можно взять обычную кувалду и разбить это «Непобедимое Солнце» на куски.

– Нельзя, – ответил Гекчен. – Вернее, можно – если подобное состояние реальности будет спроецировано «Непобедимым Солнцем». То есть создано самим проектором.

– Значит, – сказала я, – если разбить кувалдой простой булыжник, это сделаем мы. А если разбить кувалдой Камень, это произойдет по воле самого Камня, и все устроит он сам?

Гекчен смущенно засмеялся. Вид у него был такой, словно я высказала безумно свежую мысль, которую сам он прежде не решался допустить себе в голову.

– Извини, Саша, но вот сразу чувствуется, что ты из России. Первая мысль – взять кувалду и разбить. Это ваш национальный способ познания реальности?

Мне стало обидно. Даже захотелось напомнить про взятие Константинополя. Еще непонятно, кто тут с кувалдой… Хотя, с другой стороны, это ведь не Гекчен его брал. Он вряд ли бы справился, с кувалдой или без. Мне стало смешно.

– Что-то вроде того, – сказала я. – Часто помогает. И метод кувалды, кстати, не обязательно наш. С Камнем это уже делали. На каждой маске закреплен его кусочек. Вот тут.

И я показала на лоб.

– Я знаю, – кивнул Гекчен. – Эти маски – тоже часть центрального проектора. Инструменты, с помощью которых с ним входят в контакт. Примерно как пульт от телевизора. Поэтому на каждой маске есть осколок Камня.

– Вы можете доказать, что говорите правду?

– Нет, – ответил Гекчен. – Доказать я ничего не могу.

– То есть все это исключительно вопрос веры, правильно я понимаю? Вот есть большой черный булыжник. Именно он создает все остальное, хотите верьте, хотите нет…

– Ты говоришь в точности как другие, – сказал Гекчен. – И я понимаю их логику, поверь. Точно так же рассуждали софисты в третьем веке нашей эры. Это действительно во многом вопрос веры. Как и все прочее в нашей жизни. Но есть очень древняя и почтенная традиция, связанная с этой верой. И я, как ученый, ни за что не поверил бы в такое, если бы у меня не было для этого самых серьезных оснований.

– Каких?

– Саша, – сказал Гекчен, – вот представь, что ты много лет изучаешь какую-то историческую тайну. Читаешь обрывки рукописей, соотносишь свидетельства очевидцев, постигаешь символический смысл стихов и парабол. Нигде нет ни одной ясной зацепки. Но постепенно у тебя возникает подозрение, потом оно становится догадкой, а догадка перерастает в уверенность…

– И тогда, – сказала я, – в дверь звонят санитары.

Это ему за кувалду.

– Бывает и такое, – ответил Гекчен. – Но я хочу, чтобы ты меня выслушала. Выводы будешь делать сама.

– Я слушаю.

– Где-то с пятого или шестого века историки теряют следы Камня. Но сохранились свидетельства поэтического характера.

– Это как?

– Ну, сочиненные разного рода мистиками и искателями стихи о приближении к смыслу смыслов, тайне тайн и так далее. Обычно это считается набором метафор, описывающих восхождение по лестнице познания. Такова вся суфийская поэзия…

Я кивнула.

– Большинство подобных памятников просто аллегории духовного пути. Но некоторые из них, я уверен, написаны людьми, знавшими про Камень. Причем через много веков после того, как он исчез с исторического горизонта. Я говорю про эзотерическую поэзию, созданную в кругу Джалаладдина Руми. Я лично обнаружил несколько памятников, не известных раньше. Это не оригиналы рукописей, а поздние копии, и я не могу убедительно доказать свою теорию – но абсолютно в ней уверен. В этих текстах говорится о масках, скрывающих непостижимое, о танце Сущего – и о тайном солнце мира, к которому приближается искатель. Звучит знакомо?

– Знакомо, – ответила я.

– Там говорится о невидимом светиле, создающем мираж нашего мира, и еще о том, что дошедший до источника странник может изменить все, поскольку становится солнцем сам… Он понимает, что солнце с самого начала было им, а он был этим солнцем. И тогда искатель танцует с этим солнцем, как с любимой или любимым… сливаясь и разделяясь опять. И так далее – много фигур и образов, стандартных для суфийской поэзии. Не очень хорошие стихи – слишком приторные на сегодняшний вкус, если относиться к ним исключительно как к искусству. Но они весьма информативны, если считать их пошаговой инструкцией по обращению с Камнем.

– Руми сам об этом писал? – спросила я.

– Нет. Вернее, тоже писал, но мало и аллегорически. Например, – Гекчен зажмурился, вспоминая, – вот так: «то, что обычному человеку кажется камнем, для знающего является жемчужиной».

– Почему вы думаете, что это именно о Камне Элагабала?

– Я не думаю. Я знаю. Но, повторяю, доказать не могу.

– Очень расплывчато, – сказала я. – Легко может быть и о чем-то другом. А где Камень хранился после пятого века?

– Точно не знаю. Но я знаю одно. Ты слышала такое слово – soltator? Понимаешь, что оно значит?

– Танцующий для солнца, – ответила я. – Примерно такой перевод.

– Да. В тринадцатом веке им был Джалаладдин Руми.

– Вы же говорите, он почти не писал о Камне.

– Писали его ученики и сподвижники. А сам Руми был еще и мастером танца. Он не только сочинял стихи, он танцевал. Кружился на месте, раскинув руки в стороны. И все. Это был его метод общения с Камнем. Кое-что он писал – но не о Камне, а о себе, танцующем…

Гекчен опять зажмурился.

– «Растворись в Сущем, которое есть все… Рассудок – это тень, отбрасываемая солнцем, бог – Солнце… Танец – это радость бытия. Я наполнен ею. Кожа, кровь, кости, мозг и душа – нет места для неверия или веры. Ничего в этом существовании кроме самого существования…»

Я остановилась, чтобы он случайно не споткнулся, и Гекчен остановился вместе со мной.

– Руми был очень загадочной личностью, – продолжал он. – Его фамилия, или прозвище, означает «Римский», «из Рима». Чтобы объяснить такую странность, ученые придумывают самые экзотические объяснения. Вроде того, что уже завоеванная мусульманами Анатолия когда-то была частью Восточной римской империи, где ее называли «Румом», и поэтому Джалаладдина прозвали «римлянином». Но у Руми была совсем другая связь с Римом.

– Какая?

– Такая же, как у Камня. Потом, когда Руми умер, его танец стали широко копировать последователи. А Камень опять исчез.

– Куда?

– Я не знаю, куда, когда и как. У меня такое чувство, что он появляется и исчезает необъяснимым образом, иногда делая себя доступным людям. Турция, Сирия, Египет, вообще Средиземноморье и окрестности. Логику его перемещений я не могу до конца понять.

– Вы говорите много интересного, – сказала я. – Но неужели вы действительно верите, что это источник всей нашей Вселенной?

– Да.

– А почему, скажите, он имеет форму треугольного камня с выщербинами на поверхности? Почему источник нас с вами, галактик, звезд, всяких туманностей и даже пространства между ними – это черный конус из базальта? Вам не кажется, что получается как-то… Ну, не в рифму?

– Я понимаю, – сказал Гекчен. – Это хорошее возражение. Очень умное и тонкое. Но камень сам по себе – не источник всего. Это просто… Как бы выразиться. Просто указатель. Он указывает, что источник доступен.

– Что он где-то близко?

– Что он доступен, – повторил Гекчен. – Все «близко» и «далеко» появляются из этого источника. Когда ты видишь Камень, источник открыт. Если знаешь, как управлять им, ты получаешь власть над Вселенной. Это как бункер с ядерной кнопкой. Красная кнопка – просто круглый кусочек пластмассы, в котором нет ничего особенного. Но если нажать на нее, произойдет много интересного… Вот точно так же Камень Солнца – это просто камень. Но он очень опасен. Многие глобальные потрясения за последние несколько тысяч лет так или иначе связаны с ним. Мало того, он может вообще уничтожить человечество.

– Вы же говорите, что дело не в Камне?

– Дело не в Камне. Но других врат к центральному проектору не существует. Если кто-то уничтожит Камень, с проектором ничего не произойдет. Но врата закроются, и человечество избежит страшной опасности.

– Хорошо, – сказала я, – а почему проектор, создающий весь видимый космос, находится именно на Земле? Почему не на Марсе? Почему он связан именно с этим камнем, а не с горой Арарат, например?

Гекчен вздохнул. Видимо, он уже терял надежду, что я его пойму.

– Проектор нигде не находится. Но из него возникает картинка того, что ты называешь космосом вместе со всеми человеческими «где» и «почему». Общая для всех людей. Ты сама ответила себе, когда произнесла слова «весь видимый космос». Космос – это просто то, что мы видим.

– Но космос есть на самом деле, – сказала я. – Именно поэтому мы его и видим.

– Нет, – ответил Гекчен. – Мы его видим, и именно поэтому он есть на самом деле. Это даже не вопрос веры, девочка. Это вопрос исключительно порядка слов в предложении.

– Допустим, – сказала я.

– С этим проектором связаны великие сущности, живущие за пределами нашей иллюзии. В суфизме их называют «мелек». И я знаю, что они рассказывают людям, изредка появляясь перед ними. Они говорят, что когда-то проектор создавал неподвижную плоскую Землю – и живших на ней простодушных людей, молящихся грому и ветру. Сейчас он создает умных и изощренных физиков, темную материю и разбегающуюся Вселенную, которой четырнадцать миллиардов лет – вместе с доказательствами, что так было всегда. Проектор рисует все, что мы видим и знаем. Но он…

Гекчен замялся.

– Говорите проще, – сказала я. – Я блондинка.

– Проектор не на одном экране с нами. Проектор – это компьютер, выводящий на экран нас и все остальное. Я не знаю, где он, что он такое и кто его хозяин. Но на десктопе нашего мира есть иконка, позволяющая им управлять. Такой черный треугольник, по которому можно кликнуть мышью… Тот, кто может это сделать, и есть soltator.

– Вот теперь поняла, – сказала я. – Сразу бы так ясно.

– То же относится и к осколкам. Если от Камня отлетают осколки, это значит, что на экране появляются новые иконки. И все.

– А как по ним кликать?

– Танец, – ответил Гекчен. – Если речь идет о Камне – исключительно язык танца. Не знаю, почему, но это так. А маски… Я видел только их фотографии. Может быть, ты по ним кликаешь, когда эти маски надеваешь.

– А у танца есть какие-нибудь… Ну, правила?

– Мне они неизвестны. Я полагаю, ты осведомлена лучше.

– Почему вы так решили?

– Тим ищет того, кто должен танцевать перед Камнем. И Фрэнк тоже его искал. Видимо, они надеются, что это ты. Если Фрэнк надел на тебя маску, значит, он так считал.

– Сейчас уже не считает, – сказала я.

– А?

– Он изменил мнение. Я с ним только что общалась.

– Фрэнк мертв. Как ты могла с ним общаться? Ты что, того?

Он покрутил пальцем у виска.

– Говорит профессор литературы, – ответила я, – недавно нашедший фонарь Платона. Из которого возникает вся Вселенная и сам этот профессор.

Гекчен поднял бровь. Видимо, ему пришлось допустить, что и я имею право говорить странности.

– Значит, – повторил он, – это не ты?

– Я сама теперь ищу того, кто будет танцевать.

– Выходит, ты сейчас на месте Фрэнка?

Не могу сказать, что мне понравилось это предположение.

– А вы встречались с Фрэнком? – спросила я.

Гекчен кивнул.

– Да. Фрэнк был уверен, что я псих. Может, Тим его убедил, не знаю. В конце концов мы поругались. Я умолял его не ездить в Харран. Но он не послушал. Он знал, что я за ним слежу, но даже не обращал внимания.

– Может быть, – сказала я, – он не хотел вас обижать.

Гекчен печально улыбнулся.

– Меня никто не принимает всерьез. Может, это и хорошо. Дольше проживу…

Мы совершили уже полный круг по гипподрому – и опять остановились у египетского обелиска, стоящего на четырех бронзовых кубиках. Мне было жутко на него смотреть, такой непрочной и ненадежной казалась конструкция.

Но обелиск покоился на этих же самых кубиках, когда вокруг еще летали политизированные ромейские колесницы, а потом пережил захват и разграбление города – и незаметно для себя вернулся в цивилизацию, неотличимую от европейской. Он стоит здесь так же прямо, как тысячу лет

назад. Внешность бывает обманчива.

– Почему я здесь? – спросила я неожиданно для себя. – Почему все это со мной происходит?

Наверно, мои слова прозвучали жалобно.

– Могу объяснить, – ответил Гекчен. – Я знаю, потому что таким же вопросом задавался Руми. Но ты опять мне не поверишь.

– Скажите.

– Когда-то, пребывая в духовном экстазе или просто находясь в священном месте, ты попросила бога о том, чтобы он дал тебе приблизиться к центру всего и понять, что такое мир и откуда он берется. Ты когда-нибудь молилась, чтобы тебе было позволено дойти до сути вещей? До самого источника реальности?

– Я не религиозна, – сказала я. – Вообще не помню, чтобы я когда-нибудь молилась.

– Подумай. У тебя были минуты, когда тебе казалось, что бог совсем рядом – и ты можешь о чем-то его попросить?

И тут я вспомнила про Аруначалу.

…я хотела бы знать, откуда летели ко мне эти волшебные лиловые облака в тот день на Аруначале, когда главная тайна всего была близкой и доступной. Кто этот тоненький золотой силуэт, танцевавший в облаках? Кто генерирует мир – и зачем?

Шива, ты меня слышишь?

– Да, – сказала я. – Да, было. Я, знаете, всегда допускала, что наш мир – подобие компьютерной симуляции. Так сейчас многие считают. И однажды в Индии, на

одной священной горе, я попросила бога Шиву – только не спрашивайте, почему именно Шиву, так получилось – помочь мне добраться до ее генератора. Просто из любопытства. Но это была, не знаю… Ну точно не молитва. Скорее такая игра, легкая и веселая… Никак не духовный экстаз. На Аруначале мне казалось, что Шива мой дружбан. Это был очень счастливый день.

Гекчен удовлетворенно кивнул.

– Вот про такое я и говорю.

– Вы думаете, это сыграло роль?

– Конечно. Камень призывает к себе только тех, кто в какой-то момент своей жизни – обычно на пике высокого духовного переживания – обращался к божеству с просьбой показать самую главную тайну мира… С Руми вопрос ясен. Вся его жизнь была таким переживанием, такой мольбой к Всевышнему. У Фрэнка похожий момент тоже был… Ну, отчасти похожий, он мне рассказывал. Кислотный трип, где ему явился Сатана.

– Вот как?

– Обычное для западного человека событие. Даже, я бы сказал, что-то вроде корпоративного собеседования. Сатана сильно его напугал – настолько, что к концу трипа Фрэнк вообще перестал бояться чего бы то ни было и попросил Сатану открыть ему тайну мира.

– И?

– Фрэнк заснул, и его трип кончился. Такой заявки хватило, чтобы подняться на уровень Каракаллы. Это весьма близкая к тайне орбита – но возможности Сатаны, увы, ограничены…

– Фрэнк мне про это не рассказывал.

– Зато рассказывал мне.

Мы с Гекченом погуляли еще немного. Он несколько раз повторил, что я, возможно, права – и Камень действительно следовало бы разбить кувалдой. Я возразила, что не предлагала ничего подобного и говорила чисто гипотетически. Тогда просто утопить, сказал он. Утопить в море. Но Тим никогда на это не согласится, ответила я…

Наконец мы распрощались. Гекчен пообещал прислать какие-то интересные материалы по Руми. Я обещала позвонить, если что, и вернулась на гипподром одна.

Через несколько минут от Гекчена пришло сообщение со ссылкой на его архив. Я открыла ее. Там были клипы и фотографии. Крутящиеся дервиши, сельджукская одежда и оружие, какие-то старые здания, за которые заходило огромное багровое солнце. Еще я увидела могилу Руми – на ней стояло что-то вроде высокой каменной чалмы. Могилы учеников украшали такие же чалмы поменьше. Еще был линк на тексты, но я решила отложить их на потом.

Стоя у египетского обелиска, я вспоминала Аруначалу. Золотая танцующая фигурка среди благоуханных облаков…

Шива, ты что, правда услышал?

Вечером перед сном я несколько раз с чувством повторила мантру «ом нама Шивая». Все, Шива, теперь мы квиты.

Эмодзи_взволнованной_и_очень_привлекательной_блондинки_в_маске_луны_

_склоняющейся_перед_величием_небес_куда_у_нее_оказывается_

_уже_много_лет_есть_собственный_актуальный_спецпропуск.png

Люди ворвались в мою спальню так рано и так бесцеремонно, что спросонья я принял их за убийц. Кажется, я даже закричал.

Но это была моя мать и два вооруженных раба с факелами. Мать выглядела жутко – ее испуганное и перекошенное лицо покрывали черные кляксы слез.

Странно, но первым делом я вспомнил слова Ганниса про равновесие мира, поддерживаемое богом. Богатые женщины плачут черными слезами, потому что у них черные сердца – бог же устанавливает равновесие внутреннего и внешнего через то, что они мажут себе ресницы дорогой косметикой… Это была сложная умная мысль, и я испытал гордость, что могу так думать.

– Варий, – сказала мать, – императора убили. Оденься и вооружись. Мужайся, мой сын. За нашими жизнями тоже скоро придут…

Оказалось, что спросонья я почти угадал правду.

Но зато ошиблась моя мать – в первый день про нас не вспомнили. На второй и третий тоже.

Префект Макрин, устроивший заговор и захвативший власть, не видел опасности в нескольких близких к императору женщинах и детях, живущих в семейном доме в Эмесе, и гораздо сильнее был озабочен своими отношениями с армией и Римом. Римские сенаторы, как шлюхи, сразу легли под нового господина, кто бы сомневался. Но с армией было сложнее.

Макрину пришлось иметь дело с парфянами, поэтому он не считал опасность, исходящую от родственников Каракаллы, первоочередной. Но сомнений, что нас рано или поздно убьют, не было – и некоторые у нас дома готовились уйти из жизни сами, чтобы сохранить достоинство.

– Может быть, – сказал Ганнис, – неделя или месяц у нас есть. Никто не знает, когда про нас вспомнят.

Видеть его с армейским мечом на поясе было так странно, что я слушал не перебивая.

– Все решится сегодня.

– Что решится?

– Мы выясним, Варий, сможешь ли ты танцевать.

Он уставился на меня, словно такая возможность вызывала в нем большие сомнения.

– Я смогу, – ответил я. – Я учусь этому столько, сколько себя помню. Ты сам говорил, что я уже умею передавать настроение природы или устремление человеческого сердца.

– Твое тело знает как выполнять необходимые движения. Но истинный дух еще не сходил на тебя. Сегодня мы устроим вашу встречу. Вернее, предложим тебя Элагабалу. Я хотел подождать год или два, но…

Ганнис похлопал себя по ножнам.

Это «предложим тебя» мне не особо понравилось.

– Я разве раб, чтобы предлагать меня кому-то?

– Ты не понимаешь, о чем речь. Soltator похож на шкатулку, в которой живет волшебная сила. Когда ты учишься танцевать, ты… ну, ты как бы украшаешь эту шкатулку резьбой и позолотой. Делаешь ее красивой и удобной. Но захочет ли Элагабал там жить, может решить только он сам.

– В меня вселится дух Солнца?

– Вы станете одним. Камень войдет в тебя, а ты войдешь в Камень. Ты станешь Элагабалом сам. Ты получишь бесконечную власть. Такую, как у Юлия Бассиана.

– Разве у Юлия была бесконечная власть? – спросил я. – Она в его время принадлежала Марку, потом Коммоду. Потом Пертинаксу, пока ее не отобрали гвардейцы.

– Юлий был скромным солнцем, – усмехнулся Ганнис. – Он светил миру из-за туч, и его не замечали.

– А если Элагабал не захочет в меня войти?

– Тогда ты не проснешься.

– Не проснусь?

– Если Солнце отвергнет тебя, ты уйдешь в Аид во сне, – сказал Ганнис. – Это лучше, чем умереть от меча…

С этим я был согласен. Я хотел спросить что-то еще, но Ганнис остановил меня движением руки.

– Опорожнись, вымойся как следует, причешись и спускайся в погреб. Мы подготовим все примерно за час.

Через час я спустился в подвал.

Погреб начинался с большой круглой комнаты, где разливали вино – теперь она была чисто убрана. На ее полу лежали львиные и тигровые шкуры, а у стены с горящими лампами и факелами возвышалось кресло с высокой спинкой. Перед креслом стояла черная деревянная рама с висящим в ней бронзовым зеркалом – словно гонг, подумал я. Еще в комнате была какая-то статуя под покрывалом.

Меня ждали Ганнис и седобородый старик в синем плаще.

– Ох, – вздохнул Ганнис, увидев меня, – я сказал «причешись», но разве я говорил «нарумянься»? Или «подведи брови»?

– Кто бы стыдил, – ответил я.

Но Ганнис в последние дни совсем перестал румянить щеки и подводить брови. Видимо, теперь уже ни к чему было выдавать себя за евнуха – и это пугало меня даже сильнее, чем все рассказы о зверствах узурпатора.

– Варий хочет понравиться богу, – сказал старик в синем плаще. – Он и правда смазливый мальчик. Хотя сейчас больше похож на девочку.

Я вопросительно поглядел на Ганниса.

– Это Ахилл, – сказал Ганнис. – Он врач и поможет нам.

– Ахилл, – повторил я. – Смешное имя для врача.

– Почему? – спросил Ахилл.

– Наверно, многих мужей отправил в Аид.

Ахилл громко захохотал – моя шутка ему понравилась.

– Сейчас ты сам отправишься в мир теней, мальчик, – сказал он. – И очень надеюсь, что ты оттуда вернешься.

Я заметил на кресле моток кожаного шнура.

– Вы хотите меня связать?

– Нет, – ответил Ахилл. – Ремни поддержат тебя, чтобы ты не упал. Мы не будем завязывать их. Ты сможешь постепенно освободиться сам – если не уйдешь в вечный сон.

– Из-за чего я могу туда уйти?

– Если тебе привидится, что ты туда уходишь, так оно и случится… Садись.

Я сел в кресло, и они примотали мои предплечья к подлокотникам – не слишком туго, чтобы не мешать кровообращению.

В зеркале передо мной хмурилось раскрашенное лицо, а вокруг дрожал ореол света от факелов и ламп, горевших сзади.

– Выпей вот это, – сказал Ахилл и протянул мне чашку с вином.

– Что там?

– Лекарство, – сказал Ганнис. – Ты уснешь и увидишь сон. Не бойся, оно не горькое.

Как я ни был напуган, от этих слов мне стало смешно. Я боялся совсем не того, о чем думал мой наставник. Выпив вино, я отдал чашку Ахиллу. Если там была какая-то примесь, я ее не заметил.

Ганнис подошел к статуе и снял с нее покрывало. Я увидел львиноголового человека, обвитого змеями – обычное украшение митреумов. Его полуоткрытая пасть была окрашена изнутри красным, словно он только что съел какого-то зазевавшегося Вария. Вид у него был не слишком приветливый.

– Он покажет тебе путь, – сказал Ахилл. – Перед тобой будут появляться знаки ступеней. Все будет точно как в митреуме.

Я понял, что он говорит о ступенях солнечного посвящения, но решил пошутить.

– Знаки ступеней? – спросил я уже заплетающимся слегка языком. – А почему не знаки лестниц? И почему митреум?

Ахилл с Ганнисом засмеялись.

– Любая лестница состоит из ступеней, – сказал Ганнис, – а Митра просто одна из масок того, кому ты служишь. Так что противоречия здесь нет. Смотри в свет, Варий, и зови бога.

– Как?

– По имени.

– Мы вызываем божественный дух?

– Да, – ответил Ганнис, – именно.

– Но тогда нужно пролить жертвенную кровь?

Ганнис вдруг сделался очень серьезным.

– Жертвенная кровь уже пролилась, – сказал он. – Поэтому мы здесь.

Я понял, что он намекает на убитого императора, и мне стало страшно.

– Повторяй его имя, – сказал Ахилл.

– Антонин. Марк Аврелий Антонин.

– Я говорю про бога, – поправил Ахилл. – Имя бога, которому ты служишь. Позови его, когда придет время.

– Элагабал! – произнес я. – Элагабал! Элагабал!

Говорить было все труднее, но это слово я мог повторять долго – оно само слетало с языка.

– Теперь, – сказал расплывающийся Ганнис, – мы оставим тебя наедине с богами. Не бойся мрака, малыш. Ты не первый, кого Ахилл отправляет на эту прогулку. Все будет хорошо. Ищи знаки ступеней…

Я услышал стук закрываемой двери.

А дальше начался мой бег по летающим лестницам и схватка с быком.

Через день действие микстуры окончательно прошло, и я вспомнил все. Совершив прогулку в Аид, я вернулся в мир, который по-прежнему собирался отправить меня к теням. Но теперь я не боялся Аида.

Отсрочка, данная нашей семье судьбою, оказалась длиннее, чем мы предполагали. Я совершенствовал свое искусство еще несколько месяцев, танцуя в храме и дома. Мне говорили, что мой танец нравится жителям Эмесы – и даже редким воинам, приходящим в храм.

А потом случилось то, чего так боялись все.

– Варий, – сказал Ганнис за ужином, – нам сообщили, что Макрин посылает в Эмесу преторианцев. Они будут здесь через несколько дней. Ты понимаешь зачем?

Я кивнул – и попытался запить вином холодный комок в центре живота.

– Тебе полагалось бы упражняться еще несколько лет, – продолжал Ганнис, внимательно на меня глядя. – Но теперь у нас нет времени. Нас просто убьют. Тебе придется танцевать перед солдатами завтра днем.

– Перед какими солдатами? Теми, которых послал Макрин?

– Нет, – сказала моя бабка Меса. – Перед солдатами Третьего Галльского. Но твой танец должен действовать на всех солдат без исключения. Иначе какой в нем смысл?

Она холодно поглядела на Ганниса. Похоже, она не слишком верила в эту затею.

– На самом деле ты будешь танцевать не перед солдатами, – сказал Ганнис, – а перед Камнем. Все как обычно.

– Камень в храме, – ответил я. – Солдаты придут туда?

Меса кивнула.

– Откуда ты знаешь?

– Я об этом позабочусь, – сказала бабка. – Ты же позаботься, чтобы мои деньги не пропали зря.

В эмесском храме Солнца был внутренний двор с колоннадой. Он делился на две части, большую и малую. В большую пускали всех; возле стен стояли лежанки для тех, кто хотел провести в храме ночь.

В малую разрешалось входить только жрецам – там, возле торцевой стены, стоял укрытый навесом Камень, окруженный священными знаменами. Его можно было созерцать, но не трогать. Подойти к нему слишком близко считалось

святотатством – его охраняли вооруженные стражи.

Я танцевал перед Камнем на сером песке. Перед этим прислужницы выравнивали его плоскими граблями, и следы моих босых ног обычно складывались в отчетливый крест, на который нанизывалось несколько слабо протоптанных окружностей. Из-за креста в храм ходили христиане, полагавшие, что это некое предвестие и дань их богу тоже.

Паломникам нравился красивый мальчуган (хотя некоторые принимали меня за девочку из-за румян и длинной шелковой рубашки, расшитой золотом и бисером). А мне нравилось нравиться. Ничего иного в те дни я не хотел. Я с младенчества знал назубок все движения и приемы храмового танца. Но прежде в моих движениях не было, как говорил Ганнис, священной силы…

Теперь, как надеялись у нас дома, она должна была появиться. Но по-настоящему на это рассчитывал один Ганнис, а к нему самому мало кто относился серьезно.

Мы потратили на занятия последние доступные нам часы. Ганнис шлифовал мои движения, рассказывая, как они должны выглядеть со стороны. Вечером он принес с собой таблички и сказал, что зачитает мне отрывок из книги, которую он, подобно Марку Философу, пишет для потомков.

– Я пишу в ней про тебя. Вернее, про твой танец.

Он подбоченился и, подражая завываниям чтецов, прочел:

– «Я оставил их там, занятых игрой на флейте и плясками, которые они под звуки быстрой мелодии исполняли на какой-то ассирийский лад: то легко подпрыгивая ввысь, то низко приседая к земле, они, словно одержимые божеством, содрогались всем телом…»

Он продолжал читать, но я отвлекся на мрачные мысли.

– Немного, – сказал я, когда он замолчал.

– Чем меньше слов, тем вернее преодолеют они океан времени… И я нигде не называю тебя по имени, господин. Просто знай, что от тебя останутся не только сделанные скульптором портреты, но даже твой танец сохранится в этих строках, как в янтаре.

То есть он полагал, что уловил меня своими словами как муху… Я пожелал узнать, какую философию излагает Ганнис в своей книге. Он ответил, что не философствует, а пишет роман об убегающих в Эфиопию влюбленных, и это следует понимать как мистерию восхождения к божеству. А в философском смысле книга его близка по духу к литературной школе, которую челядинец моей бабки Флавий Филострат прозвал «второй софистикой». Это как бы новая истинность, возрождающая славу и силу первой софистики, то есть прозорливой мудрости, которую эон София дарил древним певцам.

Я не слишком понял, что он хотел всем этим сказать, но не стал переспрашивать, поскольку знал, что на меня тут же прольются новые софизмы.

– Ты подпишешь сочинение своим именем? – спросил я. – И не боишься позорища?

Ганис улыбнулся.

– Про автора будет сказано вот что: «книгу сочинил муж финикиец из Эмесы, из рода Гелиоса, сын Теодосия Гелиодор». Разобрав значения имен, мудрый поймет, что сила дана мне Солнечным богом и книга эта – дар Солнца, которому я служил. Но это сообщается тайным языком. Мало того, я прикинулся финикийцем. Открыто я говорю только то, что я из Эмесы. Но Эмеса ведь большой город…

– Слишком маленький, – сказал я, – чтобы спрятать в нем такого светоча.

Как тщеславны люди. Ганнис может завтра умереть, а думает о своем романе. Мне захотелось его подразнить.

– Я думал, что обучаюсь у многомудрого мужа, – сказал я, – а он тайный писака. И смерть, ворвавшись в наш дом, найдет его занятым игрой со словами, которые он переставляет на какой-то ассирийский лад, содрогаясь всем телом…

Ганнис засмеялся.

– Не сдавайся раньше времени, Варий, – сказал он. – Смерть когда-нибудь победит всех. Но нас она пока еще не нашла. Яви перед солдатами свою силу, и мы натянем ей нос.

Вот так мы развлекали друг друга в те дни, стоя на краю ужасной погибели – в последней попытке ее отвратить.

– У нас новые гости, – сказала Со за завтраком. – Попутчики до Канар. Тебе понравятся. Ну или во всяком случае будет интересно.

– Кто?

– Буддисты.

– Тибетские? – спросила я.

– Американские.

Я решила показать, что немного смыслю в предмете.

– Я понимаю, а какая школа?

– Pragmatic dharma.

– Что – «прагматик дхарма»?

– Это современная универсальная традиция. Берут из всех систем то, что работает.

– Работает на кого?

– Вот их и спроси, – улыбнулась Со.

– Откуда они?

– Тоже из Bay Area. Ребята загорелые с лимана. Тим говорит, будет очень смешно.

Я, видимо, должна была узнать цитату про лиман, которую Со выделила интонацией, но к своему стыду ничего такого не вспомнила. Все-таки generation gap – это реальность.

– У тебя есть возможность по блату узнать действительно глубокую мудрость, – сказала Со насмешливо. – Такое, что обычным прихожанам не говорят. Не упусти шанс.

От штаба восстания в это утро первый раз не разило марихуаной. Во всяком случае, в коридоре запах еще не чувствовался.

И даже внутри он был умеренный, словно люди здесь курили не для того, чтобы исказить реальность, а лишь пробовали вкус дыма.

Обстановка не изменилась – только вокруг золотого уха на потолке появилась замкнутая в кольцо надпись серебряным маркером:

STONE DANCER STONED ANSWER[2 - Каменный танцор, удолбанный ответ.]

которую можно было прочитать еще и так:

DANCER STONED ANSWER STONE[3 - Танцор удолбан, ответь, камень.]

Глубоко. Нет, правда. Риальне круто.

С гостями спустился пообщаться сам Тим – он тоже был в каюте. Это впечатляло. Майкл и Сара сидели у стены, как в кинозале. Раджива не было. Он индус, догадалась я – что ему Будда. Подумаешь, инкарнация Вишну.

Гостей было трое. В центре комнаты на подушках сидела бодрая загорелая старушка с бильярдно выбритой головой и аккуратно подстриженной седой бородкой (бородатых женщин я уже видела, но вот седобородых не приходилось). На ней было женское платье, и я подумала, что так мог бы выглядеть вставший на трансгендерный путь Троцкий.

Вторым гостем был мужик лет шестидесяти с длинным седым пони-тэйлом, в джинсах и белой майке с надписью «WHITE FACE, BLACK HEART»[4 - «Белое лицо, черное сердце».] (как я поняла, что-то вроде компьютерного «Intel inside», только применительно к расовому вопросу).

На его руках темнели этнические индейские татухи, сделанные, видимо, еще в те времена, когда за культурную апроприацию в Америке не карали. Он был большим и излучал не то чтобы угрозу, но… В общем, все то, что излучает сильное, крупное и немного напуганное белое мужское тело в эпоху BLM-капитализма[5 - BLM – black lives matter.].

Третий, симпатичный очкарик моего примерно возраста в пляжной рубахе и шортах, сидел в уголке. Он, как я догадалась, был чем-то вроде падавана у первых двух.

Старушка подняла на меня острые голубые глаза и представилась:

– Кендра.

Я все-таки была не до конца уверена, что это старушка, а не старичок.

– Саша, – ответила я. – Я не расслышала – Кендро?

– Кендра, – повторила старушка и поглядела на падавана.

– Кендра Форк, – сказал падаван, – and the pronouns are she/her[6 - Перед общением с персоной неопределенного гендера в woke-кругах принято узнавать

их персональные местоимения]. Кендра – первая в Америке трансгендерная архатка.

– Wow, – повторила я восторженно. – First US transgender she-arahant!

Нельзя сказать, чтобы я полностью поняла этот титул.

Старушка помахала мне рукой, как Сталин с мавзолея. Похоже, она привыкла к направленному на нее уважительному вниманию.

– А что такое «архатка»? – спросила я.

Кендра посмотрела на меня так, словно я сказала n-слово.

– То же самое, что «архат».

– А что значит «архат»?

– Это почитай в «Википедии», – ответила Кендра. – Долго объяснять.

– Винсент Вулф, – представился мужик с пони-тэйлом. – Просто Винс. My pronouns are he/his. Я учитель медитации из дхарма-коллектива в Сан-Франциско.

Он так и сказал – «dharma collective»: коллективизация наконец добралась и до Оклахомщины с Айовщиной. Видимо, немец, решила я. Это ведь немецкая фамилия? Он действительно походил на большого улыбчивого волка, прижившегося среди людей – и даже подобравшего себе человеческие местоимения.

– Саша, – повторила я виновато и присела на подушки в уважительном отдалении – но достаточно близко, чтобы слышать разговор.

Мне – далеко не в первый раз в жизни – сделалось обидно, что я ничего не могу добавить к имени «Саша», кроме женских местоимений (причем из боязни показаться банальной в таком разностороннем обществе я не решилась даже на это). Надо ведь что-то из себя представлять к тридцати годам.

Все московские знакомые кем-то стали: учитель йоги, музыкант, художница, закладчик, содержанка, содержанка, еще одна содержанка…

Почему-то мне вспомнился анекдот про собачью выставку. Собаки ходят перед судьями по кругу и повторяют: «Я эрдель-терьер, я эрдель-терьер», «Я доберман-пинчер, я доберман-пинчер», «Я трансгендерная архатка, я трансгендерная архатка». А дворняжка идет между ними и объясняет: «А я сюда поссать пришла». Вот и я такая дворняжка на собачей выставке вашего мира…

– Я что-то смешное сказала? – спросила Кендра.

– Нет, – ответила я, – это я своему смеюсь.

– Рада, что у тебя хорошее настроение.

– Ты лучше послушай, – посоветовал Тим. – Она интересные вещи объясняет.

– Мы говорим про первую благородную истину, – сказала Кендра. – Истину страдания. Ты знаешь, что такое «первая стрела» и «вторая стрела»?

Я вежливо пожала плечами.

– Наша жизнь, – начала Кендра, – устроена так, что избежать страдания невозможно. Мы болеем, старимся, умираем, у всех происходят неприятности и неожиданности, которые нам не нравятся. Это называется «первой стрелой». Вот, допустим, ты упала и сломала ногу. Это она.

– Спасибо, – сказала я.

– Боль проходит. Но ты начинаешь тревожиться и горевать из-за случившегося с тобой несчастья. Ты думаешь – ох, как мне не повезло… Как мне плохо. И как хорошо другим! Почему именно я сломала ногу, а не кто-то из них? Какая несправедливость! Вот эти блуждания ума и сердца, эта печаль, генерируемая самим человеком, и называется «второй стрелой». Понятно?

Я кивнула.

– Теперь продолжим, – сказала Кендра и повернулась к Тиму. – Обычно ученику разъясняют, что «первой стрелы» не избежать, но «вторая стрела» не обязательна. И целиком зависит от него. То есть буддистский практик по-прежнему не застрахован от обычных человеческих бед, старости и смерти, но может защититься от страданий, которые возникают в уме по их поводу… Другими словами, он уязвим для «первой стрелы», но неуязвим для второй. И на этом объяснение первой благородной истины заканчивается. Мол, боль присутствует, но ее можно минимизировать – и мы быстро научим вас, как это сделать.

– Понятно, – сказал Тим.

– Однако, – продолжала Кендра, – такая постановка вопроса – это просто рекламная уловка. На самом деле «второй стрелы» избежать так же трудно, как и первой.

– Почему?

– Да потому, – ответила Кендра, – что в нас нет никого, кто сознательно генерирует эту «вторую стрелу» – и может перестать это делать. Наши чувства и эмоции возникают сами, непредсказуемо и свободно, и не спрашивают нас, хотим ли мы их испытывать. Спрашивать некого: мы сами и есть сумма наших чувств и эмоций. Это очень важно – нет никого, в ком эмоции возникают, потому что «мы» появляемся после того, как они возникнут. Если вообще допустить, что есть какие-то временные «мы». Тот, кто страдает от «второй стрелы», и есть сама «вторая стрела».

– Тогда каким образом буддийская практика помогает избежать ее? – спросил Тим.

– Вот, – улыбнулась Кендра, – мы уже приближаемся к сути. Я скажу, как это обычно происходит. Человек приходит на курсы осознанности, где ему объясняют этот механизм – и говорят, что «вторая стрела» совершенно не обязательна и ее можно отразить. Человек начинает следить за собой. Каждый раз, когда с ним случается какая-нибудь беда, он, естественно, расстраивается по ее поводу, как это вообще свойственно людям. Эта реакция записана

у любого у нас в подкорке на таком глубоком уровне, что убрать ее оттуда, сохранив социальные навыки, не представляется возможным, поскольку социальные навыки основаны именно на ней. Вы говорите «what the fuck!» перед тем, как вспоминаете, что вы архатка или кто-то там еще. Знаю по себе.

Кендра начинала мне нравиться. Смущало только, что, несмотря на свои прогрессивные местоимения, она все время рассказывала о «нем», а не о «ней». Возможно, впрочем, что дело было в теме беседы – речь шла о страдании.

– Практикующий осознанность отличается от обывателя чем? – продолжала она. – Он знает, что «вторая стрела» возникает в его собственном уме. Вернее, он так думает, потому что просветленные с ютуба до сих пор пользуются выражением «ваш собственный ум». Практикующий знает – смысл его практики в том, чтобы избежать «второй стрелы». Поэтому он ощущает недовольство собой при каждом ее уколе. Он понимает, что опять облажался. Он по-прежнему страдает от ее укола, как обычный человек. Но вдобавок он начинает страдать еще и оттого, что не может увернуться от этого необязательного страдания несмотря на все свои духовные усилия и инвестиции. И вот это, друзья мои, называется «третьей стрелой», которая хорошо знакома любому ходоку по духовным путям.

– Да, – сказал Тим, – я понимаю. И как же с этим поступают?

– Если тренироваться дальше, – ответила Кендра, – практик осознает все, что с ним происходит. Он видит этот механизм достаточно ясно – и, при некотором опыте, наблюдает его развертывание в реальном времени не отождествляясь с ним. «Первая стрела», «вторая стрела», затем «третья стрела»… Он улыбается и расслабляется. Глупо себя корить, ибо в психическом измерении нет никого, кто виноват в происходящем – есть только самопроизвольные пузыри импульсов, чувств и мыслей. Мало того, нет никого, кто мог бы улучшиться в результате практики. Становится ясно, что все негативные чувства и эмоции – такое же проявление природы, как блики света в оконном стекле. Они естественны и органичны. И тогда практик видит главное: «природность» и «естественность» – это вовсе не что-то хорошее, как намекает духовный маркетинг.

– А что тогда? – спросил Майкл. – Что-то плохое?

– «Природное», «естественное» и «органичное» – это когда умирающий от рака медведь жрет хромого волка, давящегося напоследок золотушным зайцем. Это просто синонимы слова «страдание». Все проблески и симулякры счастья существуют в нашем мире исключительно для того, чтобы его обитатели успели оставить потомство. Такое понимание называют «четвертой стрелой», и это самая тонкая боль, и самая неизлечимая. Она пронизывает собою все, но лечить от нее уже некого. Ты пытался уйти от боли «второй стрелы» – и обрел боль «третьей». Пытался уйти от боли «третьей» – и обрел боль «четвертой». И когда в тебя попадает «четвертая стрела», ты уже никуда не пытаешься от нее уйти. Потому что уйти от нее нельзя: тебя больше нет, а «четвертая стрела» – это пролетевшая по кругу первая, расщепившая саму себя на пять частей. И тогда – только тогда – ты начинаешь видеть первую благородную истину… Истину страдания.

Кендра вздохнула.

– Но сейчас этому высокому постижению мы не учим, – сказала она, – потому что дхармовый коллектив сразу станет неконкурентоспособным. Все учителя и гуру талдычат про путь бесконечной радости. Врут, конечно. Любой из них сам умирает в муках, часто обдолбанный наркотиками, да еще и среди проституток. Но чтобы выжить на рынке, приходится обещать людям неограниченное и необусловленное счастье. Я и сама этим грешу…

– Интересно, – сказала я. – Мне казалось, что в буддизме есть как бы подготовительные курсы для начинающих – четыре благородные истины, восьмеричный путь и так далее. И есть продвинутые учения – разный там дзен, ваджраяна, тантра и так далее.

– Ничего подобного, – ответила Кендра. – Наоборот, четыре истины и восьмеричный путь – это самые высокие возможные постижения и практики. Правильный перевод – не «четыре благородные истины», а «четыре истины благородных». Они доступны только редким благородным путникам. Как раньше говорили – ариям. А все остальное – и в древности, и сейчас – просто торговля волшебными бубликами под веселые прибаутки.

– Почему волшебными? – спросила я.

– Потому что они состоят из одной дырки, – ответила Кендра и засмеялась. – Но многие едят эти дырки всю жизнь. И нахваливают.

– Так можно избежать «второй стрелы»? – спросила Сара.

– Можно. Но не тогда, когда ты две недели побегаешь на курсы так называемой осознанности, а только после того, как ты окончательно и навсегда отвергнешь измерение, уязвляющее тебя четырьмя стрелами, и примешь смерть как свою гавань.

– Круто, – сказала я. – Но как-то мрачно.

– Значит, – ответила Кендра, – ты еще не набилась мордой о дверь.

– Какую дверь?

– К счастью, – сказала она и снова засмеялась.

– А как же нирвана? – спросил Майкл.

– Нирвана и есть смерть, – ответила Кендра. – Все серьезные игроки в нашем бизнесе отлично это знают. Но не говорят. Рынок…

Она мне нравилась, честное слово. Крутая тетка. Но мне почему-то хотелось сказать ей колкость. Вот только я не знала какую – не хватало знакомства с матчастью.

Я встала и сообщила, что мне нужно в ванную. Мне и правда было нужно.

Добравшись до своей каюты, я взяла телефон и залезла в «Википедию». Архат. Интересно, что это такое?

Ля-ля-ля… Бла-бла-бла… Сколько буддийских школ, столько смыслов и значений, вся страница в кросс-ссылках и понять что-то за небольшой срок не представляется возможным. Я переключилась на русскую версию.

И сразу наступила спокойная ясность. Ровно три строчки: село в Казахстане, какое-то растение и последователь буддизма, вышедший из колеса перерождений. Все-таки Россия быстро выпрямляет запутанные смыслы, уже за одно это можно ее уважать.

Вот интересно, а как выход из колеса перерождений согласуется с трансгендерным статусом? Ведь если человек меняет пол, значит, ему еще что-то от этого мира нужно. Надо полагать, он хочет быть другого пола, а раз он этого хочет, значит, таким он и родится в следующий раз… Какой уж тут выход из колеса. Вот о чем можно спросить тетю Кендру.

Когда я вернулась в комнату с золотым ухом на потолке (до меня только недавно дошло, что Камень в офисе Тима стоит точно над ним), Кендра уже замолкла. Теперь говорил старый волчара Винс. Интересно, он таким стал из-за гипноза фамилии? А если бы он был Винсент Маус? Как бы он тогда выглядел?

На меня опять обернулись – и опять пришлось начинать заново.

– Винс объясняет пустоту, – сказал Тим. – Этого никто почти не понимает, или понимают неправильно. Если тебе не интересно, погуляй.

Мне было интересно.

– Я не буду излагать концепцию, – начал Винс. – Можете сами прочитать в интернете. Я лучше расскажу, как я сам стал это видеть. Это, может, будет не так гладко – но живой опыт всегда интересней, верно?

– Да, – ответил Тим. – Конечно.

– Когда я был молодым, я верил, что величайшее возможное счастье – это любовь. Некоторые из вас, наверно, до сих пор так думают и на что-то такое надеются…

Он с ухмылкой глянул сначала на очкастого падавана, а потом на меня. Примерно как волк глядит на Красную шапочку – причем не в волшебном лесу, а в похабном патриархальном анекдоте.

– У меня была девушка. Очень-очень красивая и поэтому избалованная. Красивые женщины вообще циничные стервы. Исключая, конечно, наших замечательных актрис, борющихся за diversity и работающих послами доброй воли в ООН…

Было непонятно, то ли он ядовито иронизирует, то ли на всякий случай стелет соломки под свой волчий зад. Возможно, оба вектора действовали одновременно – мы ведь живем в сложное и противоречивое время.

– Конечно, – продолжал Винс, – такая женская черта не является врожденной. Она приобретенная. Красавицы просто избалованы вниманием. Востребованная молодая самка может позволить себе практически любой модус поведения – и все равно добудет еду, кров и дорогое нижнее белье. Другое дело, что на длинной дистанции судьба таких женщин, как правило, складывается печально – но это не наша тема…

Мизогин, подумала я. Даже, возможно, мизогинист.

– В молодости я имел несчастье влюбиться как раз в одну из таких красавиц. Причем я в то время был человеком наивным и не боялся показать, в какую эмоциональную зависимость от нее попал. Наоборот, я специально старался это сделать: мне казалось, что это тронет ее, расположит ко мне и сделает доброй и покладистой…

Ага. Вот интересно, он мизогин, потому что идиот – или идиот, потому что мизогин?

– Конечно, случилось то, что всегда в таких случаях происходит. Она стала задирать нос, вела себя со мною все хуже, пропускала наши свидания, заставляла меня переживать – есть сотни и тысячи незаметных способов, какими близкая женщина может сделать вашу жизнь невыносимой. Они этому даже не учатся – знают все от рождения. Уверен, что за это отвечает какой-то из женских гормонов…

Все-таки скорее мизогинист.

– Скоро наши отношения превратились для меня в чистую муку. При этом мы продолжали встречаться, занимались любовью – и внешне все выглядело достаточно пристойно, разве что я слишком часто пытался разжалобить ее

и достучаться до ее сердца… Но это, конечно, не помогало. Женщина в любви хищна и безжалостна. Одним словом, я купил билет в рай, а приехал в ад.

Мизогинист, причем матерый. Надо будет узнать, из какого он дхармового коллектива, и стукнуть соратницам. Это при Будде женщин никуда не допускали, а сейчас справедливость… Шучу, волчара, шучу. Если ты вдруг мысли читаешь – не буду я никуда на тебя стучать. Мизогинствуй в любых позах.

– А как она хоть выглядела? – спросил Тим. – Ты так рассказываешь, что хочется все это представить.

– Выглядела?

Винс улыбнулся – видно было, что воспоминание ему и больно, и приятно.

– Знаете, бывает такой тип девушек, склонных к полноте и в этой полноте не особо даже красивых. Но если такая толстушка долго поджаривает себя на амфетамине, она худеет куда сильнее своей биологической нормы, ее глаза становятся большими и выразительными, и возникает неотразимая мутация… Многие юные модели, которых эксплуатирует индустрия гламура, держатся исключительно на этом эффекте и уже к двадцати годам гробят свое здоровье на всю жизнь. Временная трансформация – но что в нашей жизни постоянно?

– Ты про это раньше не говорил, – сказала Кендра. – Про амфетамин.

– Я сам им не увлекался, – ответил Винс. – Им пользовалась только она. Я уже практиковал дхарму, и для меня это были совершенно чистые в смысле субстанций отношения. Мы только курили вместе гашиш. Думаю, что амфетамин добавлял ей стервозности, которая регулярно выплескивалась и на меня.

– Вы ее содержали? – спросила я. – Или помогали хотя бы?

– Нет. Мы были молоды, свободная любовь. Я к тому же не имел денег, и мне часто казалось, что стесненность моих обстоятельств вызывает у нее презрение. Хотя в меркантильности упрекнуть ее не могу…

– И что случилось дальше? – спросил Тим. – А то мы все ходим вокруг да около.

– Дальше? Дальше я понял, что попал в безвыходную ситуацию. Любовь терзала мое сердце и превращала меня в жалкое, но все еще на что-то надеющееся существо… Прекратить отношения не было силы. Мне казалось, что ничего важнее в моей жизни просто нет. Но в то время я уже познакомился с методами випассаны…

– Это такая медитация, – пояснила Кендра, – когда обращают внимание на то, что происходит в поле сознания миг за мигом.

– Да. Я стал внимательно изучать, из чего на самом деле состоит страсть. И здесь меня ждали крайне любопытные открытия – впрочем, обычные для практикующего випассану. Наши встречи, прежде то угнетавшие меня, то поднимавшие на седьмое небо, постепенно превратились в цепочки ничего не значащих микрособытий. Мало того, моя страсть, мое горе и надежда точно так же распались на последовательности не слишком важных мыслей. Часто глупых, иногда гневных, иногда робких. А за ними следовали разнообразные биологические реакции организма – эндорфины, допамин, адреналин и так далее… Тело каждый раз реагировало всерьез. Оно ведь вообще не знает, что последние десять тысяч лет мы бесимся исключительно по поводу воображаемых картинок. Тело уверено, что вокруг до сих пор ледниковый период и идет битва за существование… В общем, я увидел кучу интересного, и это был отличный опыт, но…

– Что «но»? – спросил Тим.

– Я не смог обнаружить ни одного момента, – сказал Винс, – когда я любил.

– В каком смысле?

– Вот это чувство, самое главное и самое яркое в моей жизни, полностью исчезло, как только я попытался поднести к нему лупу. Не то чтобы я разлюбил. Но в любви не было любви. Любовь – настоящая, сильная, роковая – оказалась пуста от себя… Я не буду называть ее обманом. Но в ней не было ее самой. Понимаете?

Я отрицательно помотала головой. Мне казалось, что он просто играет словами.

– Даже самый интимный контакт с другим человеком всегда фальшив и пуст, – продолжал Винс. – Ему придают реальность только наши мысли, комплексы и страхи. Сам по себе он угнетает своей неудовлетворительной мимолетностью. Если разобраться, он состоит из однообразных раздражений, приходящих по каналам чувств – зрение, осязание, реакция эпителия… Во всем этом нет никакой встречи с другим существом. Это просто наше свидание с нашими же ощущениями. «Другое существо» – такая же бессмысленная надпись на потолке…

И он ткнул пальцем в сторону золотого уха. Я подняла глаза и в очередной раз прочла:

THE BIG OTHER IS LISTENING!

– Контакт с любимым человеком пуст даже до того, как он кончится, а кончается он быстро. Сердце хочет главного, любви и слияния – а получает вот что: сказал «хелло», потрогал, понюхал, увидел, ощутил, подумал, сказал «гуд бай»… А потом, как доказательство того, что встреча состоялась, остается компактное воспоминание о чем-то «бывшем» – усеченный образ, символ, указывающий на некоторое событие в прошлом. Но события не было в том виде, как мы его помним – это наша позднейшая редактура, внутренний фотошоп со словом «любовь», набранным поверх остального жирной гельветикой…

Я пожала плечами.

– Допустим, – сказал Тим. – Если подойти очень-очень близко к висящей на стене картине, перестанешь видеть, что на ней изображено – будешь видеть только следы кисти и засохшие комки краски.

– Верно, – согласился Винс. – Но любовь – это картина, которую невозможно ясно увидеть ни с какой дистанции вообще. Сейчас я называю это любовью – но во мне остался только сгусток воспоминаний. А когда все происходило, я переживал то надежду, то отчаяние, то еще какой-нибудь аффект… Но никогда – саму любовь. Любовь оказалась пустым словом. Она была, но ее не было.

– Я понимаю, – сказал Тим. – Понимаю. Но это достаточно банальное рассуждение, как мне кажется. Для таких выводов не надо быть практикующим буддистом. Достаточно быть немного пессимистом. Или поэтом.

– Возможно, – ответил Винс. – Но дело в том, что я на этом не остановился… Я стал исследовать каждый из аффектов, складывавшихся в так называемую любовь. А потом – каждое из микропереживаний, из которых состояли эти аффекты. И везде было одно и то же – все это было пусто от самого себя. В гневе не было гнева, в тоске не было тоски, в радости не было радости. Даже в боли не было боли.

– А что было в боли? – спросила я.

Винс уставился на меня немигающим волчьим взглядом.

– Вот если бы ты задала такой вопрос учителю дзена, – сказал он, – тот бы немедленно треснул тебя по лбу, чтобы ты все пережила сама. Но мне лень вставать.

– Что было дальше? – спросил Тим.

– Дальше? Я приложил тот же метод к самому себе. И встретил то же самое. Внутреннее не отличалось от внешнего. Я сам состоял из того же, из чего состояли «другие» и «мир». Ощущения быстро появлялись и так же быстро исчезали. Просто одни ощущения почему-то хранились под биркой «я», а другие – под бирками «он, она, они, оно». Меня среди этого не было нигде. Ни на длинной дистанции, ни на короткой. Все оказалось мимолетным наваждением в зеркале заднего вида, где мы наблюдаем себя и мир. До меня начал понемногу доходить смысл «Алмазной сутры», которую вообще никто не понимает. Я был отчетливо пуст от себя…

– Можно я добавлю кое-что? – сказала Кендра. – Вот здесь часто совершают ошибку. Кто-то говорит: я увидела, что мое «я» было пустым. А глупые слушатели понимают это в том смысле, что вот она заглянула в свое «я», и изнутри оно оказалось пустым, как футбольный мяч. Но это не так. Никакого футбольного мяча, в который можно заглянуть, просто нет.

– А что же тогда пусто? – спросила Сара.

– Пустыми являются наши слова и концепции, в частности концепция «я». Все сутры, говорящие про пустоту, имеют дело исключительно со словами. А то, что есть до слов, не пусто и не полно.

– Почему?

– Потому что «пусто» и «полно» – это тоже концепции, которые возникают после слов. Но мы так устроены, что можем иметь дело только с собственными задними выхлопами. Мы плаваем среди них, как навигаторы Дюны в облаках спайса, и считаем, что познаем Вселенную, которую видим свежим и недуальным взглядом. На самом деле мы просто сливки ума, прокисшие много тысяч лет назад.

– Я не очень понимаю, – сказала Сара. – Вот прямо сейчас я ясно вижу все вокруг и ни о чем не думаю. Где здесь задние выхлопы?

Кендра оглянулась по сторонам.

– Видишь вот этот стул?

– Да, – ответила Сара.

– Чтобы увидеть его, ты должна сначала его опознать. Найти в своей голове подходящий шаблон. Пока шаблон узнавания не обнаружен, это восприятие даже не поднимется к поверхности твоего сознания. А когда шаблон найден, в сознание будет поднят именно он. Иероглиф из твоей памяти. Твой собственный задний выхлоп. Это и означает увидеть стул – и точно так же мы видим все остальное. Но если ты, как Винс, начнешь искать, где же конкретно в этом опознанном тобой стуле спрятан стул, ты обнаружишь, что его там нет. Только гвозди и деревяшки. И с каждым гвоздиком эту процедуру можно повторить. Вся человеческая реальность сшита из таких призрачных заплат… Какой там сон, какое пробуждение – мы даже не понимаем, насколько мы… У тебя вопрос?

– Да, – сказала я. – А что с этой девушкой случилось потом? Она слезла с амфетаминов? Опять растолстела?

Кендра вопросительно повернулась к Винсу.

– Не знаю, – ответил тот удивленно. – Я уехал на длинный ритрит, и мы расстались. У нее появился кто-то другой, у меня тоже. Это все, что тебе приходит в голову?

– Нет, не все.

– А что еще?

– Мне приходит в голову, – сказала я, – что востребованная красивая самка ведет себя с осаждающими ее самцами цинично и равнодушно именно потому, что она понимает свою роль в мужском мире. Она нужна только как утолитель похоти. Когда девушка перестает быть сексуально привлекательной, она теряет социальную ценность, и все направленное на нее мужское внимание сразу исчезает… Что же удивительного, если на мужскую объективацию, превращающую ее в орудие наслаждения, она отвечает женской объективацией, превращающей мужчину в источник материальных благ? А если у него даже денег нет, а он все равно объективирует, пусть хотя бы помучается, урод… И мужчины почему-то считают это ненормальным. Еще научную базу подводят – мол, гормонально обусловленная женская стервозность. Извините, нет. Это гормонально обусловленная женская женственность.

– Она, кстати, права, – сказала Кендра. – Я только на женских гормонах поняла, какие мужики козлы и сволочи. Хотя уже много лет к этому времени была архатом.

Я на самом деле немного подустала от двух этих мужей духа. Сорри, чуть не сделала Кендре срачный мисгендер – персон духа. Симпатичный очкарик, сидевший в углу, был мне куда интересней.

Кендра попросила включить новости, и я опять ушла в свою каюту. Когда я вернулась, все смотрели телевизор.

На экране что-то пылало, дымилось и корчилось. Кажется, кого-то опять достали с дрона.

– Трамп получает все эти команды от русских, – сказала Кендра. – Никакого сомнения, это уже много раз доказано.

– Тогда в ответ должны бомбить не нас, а Россию, – кивнул Винс. – Тем более что им ближе.

– Ну так и надо им это объяснить, – сказала Кендра и повернулась ко мне. – Скажи-ка нам… Сорри, забыла – как тебя зовут?

– Саша, – ответила я. – And my pronouns are fuck/you[7 - Мои местоимения – иди ты к черту.].

Кендра удивленно нахмурилась – но тут же сложила свои загорелые морщины в улыбку.

– Приходи в любое время, детка.

Все-таки крутая тетка. Этого у нее было не отнять.

А если бы я и отняла, что бы я стала с этим делать?

Эмодзи_красивой_блондинки_гамлетно_смотрящей_на_остатки_разлагающейся_крутиз

_в_глазницах_трансгендерного_черепа_найденного_на_одном_из_великих_индийских_к

_в_куче_желтых_волчьих_костей.png

Я это к тому, что с Кендрой не срослось.

Зато получилось с падаваном – у меня в каюте, куда он пришел раскуриться втайне от духовного начальства. Потом он стал приходить каждый вечер, и даже иногда без травы.

Падавана звали Леонард (я разделила это имя на «leo» и «nerd»[8 - leo – лев, nerd – увалень.], по аналогии с Тимом, который был немного Феем). Парень и правда казался немного нердом, но в хорошем смысле слова – напоминал своей медлительностью похудевшую на диетах коалу.

Он был канадским евреем, и сообщил, что его назвали Леонардом как Коэна – в тайном значении «Ариэль», то есть «лев». На льва он не тянул, но я все равно называла его про себя Левой. Он вел дела «дхармового коллектива», но заступил на должность недавно и не вошел еще в детали.

Про буддизм он говорить не любил – разве что очень советовал мне съездить на ритрит Гоенки.

– Наберешь в интернете «випассана», и сразу выскочит. Аутентичная бирманская традиция. Если у тебя есть десять свободных дней, это лучший способ их во что-то инвестировать…

Я только вздохнула. Столько времени уже мечтаю попасть на этого Гоенку – и никак не могу. Первое, что сделаю, когда все кончится – поеду на випассану. Если, конечно, не кончусь сама.

Я задала Леве уже несколько дней занимавший меня вопрос – может ли просветленный быть идиотом? Лева авторитетно заверил, что может, и в бизнесе таких очень много. Главное, чтобы идиот был достаточно последовательным и хитрым. Есть даже такая книга – «Мудрость идиотов», которую написал один шотландский суфий, как его… Лева щелкнул пальцами – ну, этот, у него еще роман был про борьбу моджахедов с русскими…

Тогда я спросила, правда ли Кендра архатка. И как это вообще соотносится с переменой пола. Лева наморщился, подумал минуту и ответил:

– Знаешь, если строго между нами, я могу допустить даже существование архата, занимающегося сексом с домашней птицей. Но не архата, который репостит статьи из «Huffington Post»[9 - Левый американский мэйнстрим.].

Моих познаний в американской культуре оказалось недостаточно, чтобы понять соль этого замечания, но ясно было одно – сомнения посещали не одну меня.

– Все просто, – сказал Лева. – В Америке можно продать правую и левую духовность. Правая – это евангелизм и католичество. Если ты работаешь в этом сегменте, то надо соответствовать. Выступать против абортов, растлевать алтарных мальчиков и так далее. Но если ты продаешь левую духовность, а буддизм попадает именно сюда, то надо быть woke. Вот как Кендра в твиттере. Каждый день к революции призывает. И еще чтоб деньги раздавали. Кстати, не читай ее твиттер, она на самом деле не такая чокнутая. То есть чокнутая, конечно, но не настолько.

– Ты хочешь сказать, она переменила пол из бизнес-соображений?

– Не только. Иногда она говорит, что ее трансгендерный статус – это коан, учебная загадка, на которую должен ответить каждый из учеников, чтобы обрести прозрение… А иногда объясняет прямым текстом, что ее задача – пронести факел просветления в новую гендерную реальность. Чтобы кто-то первым прошел по этому пути и соединил наконец трансовый статус с окончательным пробуждением. Она из тех архаток, которые встали на путь бодхисатвок.

Вот так, сестры. Woke is the new awakened[10 - «Воук» – это новое просветление.].

– Знаешь, чем современный западный буддизм отличается от изначального? – спросил Лева. – Будда подолгу глядел на разлагающиеся трупы в разных стадиях распада, постигая суть физического существования. А западный буддизм как бы постоянно пытается впарить тебе улыбающийся труп, покрытый толстым слоем оптимистичного макияжа – потому что сегодняшний будда должен преуспеть на рынке. Это пятая благородная истина. Ну, может, не очень благородная, но истина все равно. И этот раскрашенный для продажи труп всплывает в каждой фразе «учителя дхармы», проецирующего образ «победившего страдание успешного буддиста». Про четыре стрелы услышать от наших архаток можно только по знакомству в узком кругу. В интернете они оптом и в розницу продают необусловленное счастье, помноженное на левый активизм…

Сам Лева был, как он выражался, духовным искателем широкого профиля, а по политическим взглядам относил себя к небинариям: принимал и правый, и левый векторы современности, примиряя их в своем сердце. Он был нераскаянным

тайным трампистом, но при социальном общении выдавал себя за левого демократа. Сознавшись в этом двойном прелюбодеянии духа, он взял с меня слово, что я не скажу об этом его нанимателям.

– Сразу уволят, ты что…

Я не очень понимала, как это – примирять правое с левым в своем сердце. Он объяснил так:

– Западная культура универсальна и обслуживает все человеческие потребности. Она порождает и карательные удары с дронов, и протест по их поводу. Точно так же и отдельная душа способна совместить радость от убийства, условно говоря, плохого парня с возмущением по поводу очередной внесудебной расправы спецслужб. Или удовольствие от жизни на вершине голливудской цепи потребления с гневом из-за таяния ледников, вызванного человеческими эксцессами. Эти чувства живут в душе, не мешая друг другу – как полюса магнита на одной металлической подкове, понимаешь?

– Понимаю. Это то, что Оруэлл называл doublethink? Двоемыслие?

– Нет. Оруэлл давно устарел. Это небинарное мышление.

– Non-binary think, – повторила я вдумчиво. – А чем оно отличается от двоемыслия?

– Двоемыслие – это когда ты одновременно придерживаешься двух противоположных взглядов. Как бы веришь во взаимоисключающие понятия и силой воли заставляешь себя с этим жить. Типа «плюс это минус», «война это мир» или «свобода это рабство». Сжал зубы и вперед. А небинарное мышление – это когда тебе даже в голову не приходит, что в происходящем есть противоречие. Двоемыслить больше не надо.

– Так разве бывает?

– Только так теперь и будет. Именно за небинарным устройством психики будущее… Ты смотрела «Idiocracy»?

Я отрицательно покачала головой.

– Посмотри. Non-binary think – это реальная перспектива… It’s got what plants crave. Во всяком случае, военные заводы точно[11 - «It’s got what plants crave» – «то, чего хотят растения», слоган для лимонада, которым в фильме «Idiocracy» поливали цветы. «Plants» может означать «растения» и «заводы».].

Он посмеивался над моими прогрессивными взглядами. Но не так, как Фрэнк. Лева, надо признать, был намного умнее – и говорил вещи, просто не приходившие в голову мне самой.

– Каждый американский SJW[12 - Social justice warrior – левый активист, борющийся, помимо прочего, за право на гарантированный ежемесячный доход.], выступающий за свободную раздачу долларов американцам, на самом деле просто microslaver, глобальный рабский микроплантатор, предлагающий переложить трудовое бремя на пеонов из остального мира, где имеют хождение доллары. А хождение они там имеют строго потому, что любая попытка заменить их чем-то другим кончается ударами ракет «hellfire» с дронов. Про это мог бы многое рассказать покойный полковник Каддафи. Поэтому для внешнего мира нет большой разницы между американскими SJW и пилотами штурмовиков и дронов. Карма у них общая, хотя пилоты в чем-то честнее. Но самое трогательное, что бывает – это колониальная интеллигенция, внедряющая заклинания и ритуалы левых американских активистов среди работающих за доллары туземцев – и называющая это борьбой за прогресс…

Я чуть не задохнулась от возмущения, услышав это. Хотя вряд ли он имел в виду меня. Мне просто так доллары никто не дает. Только евро. И потом, Лева все-таки видел мир идеалистично. В реальности далеко не все туземцы работают за доллары – их получают только надсмотрщики старшего звена, а туземцам дают быстро обесценивающиеся суррогаты, так что за колониальную интеллигенцию обидно вдвойне. Но объяснять это не хотелось.

Или, например, он говорил такое:

– Вот у нас есть identity politics. Политика идентичностей. У цветных свои интересы, у геев и лесби свои, и так далее… Считается, это как бы что-то левое и прогрессивное, потому что черные, ЛГБТ, Демократическая партия, революция и так далее. На самом деле это просто способ ввести в Америке кастовую

систему – как в древней Индии. Разделяй и властвуй. Но в серьезных конторах давно понимают, что твоя настоящая идентичность – не гендер или раса. Это твоя search history[13 - История поиска в интернете.]. Ты можешь сама не понимать до конца, кто ты. Твоя подлинная идентичность известна только ребятам из Гугла. Ну еще из Агентства национальной безопасности…

Такой Лева-магнит с большим количеством полюсов.

Ему было тридцать пять – и я казалась ему молоденькой девочкой. Во всяком случае, он так говорил. Это было приятно, чего тут лукавить. Себя он считал уже пожилым человеком – и много размышлял о молодости и особенно о ее утрате.

– Мы – мальчики и девочки – начинаем стариться после четырнадцати лет, сразу после полового созревания. Это похоже на сползание в обрыв с нарастающей крутизной. Сначала молодой человек как бы старается восстановить утраченное равновесие, и его кидает из стороны в сторону, причем с каждым годом все сильнее. Потом, после двадцати пяти, он плюет на равновесие и начинает доказывать себе, что еще юн. После тридцати пяти он начинает доказывать себе, что еще молод – и занимается этим обычно лет до семидесяти. Потом он начинает доказывать, что еще не стар. Потом он наконец умирает… И она умирает тоже.

Но самым главным в Леве (не для истории, конечно, а лично для меня) оказалось совсем другое.

Это был первый обрезанный член в моей жизни – и я наконец получила право принять участие в Великом Транскультурном Дебате о том, какой лучше.

И вот что я скажу, соратницы – через презерватив разницу ощутить трудно, и тип презерватива на самом деле значительно важнее. А если вы чпокаетесь без презерватива, то вы просто глупые, потому что женщина рискует куда сильнее мужика даже при оральном контакте. Миндалины. Впрочем, читайте сами, в интернете все это есть – а я беру маску и иду спать.

Эмодзи_красивой_блондинки_лежащей_на_подушке_в_маске_луны_

_и_готовящейся_увидеть_что_то_древнее_таинственное_и_довольно_страшное_

_причем_это_вовсе_не_обрезанный_патриархальный_шприц_

_как_мог_бы_подумать_в_этом_месте_самодовольный_мужской_самец.png

Солдаты пришли в храм моего бога без оружия и лат, одетые как местные ремесленники.

Они, по сути, ими и являлись, только их ремеслом была чужая смерть. Но они нарядились кожевниками. У них за плечами висели широкополые шляпы, на некоторых были новенькие фартуки, а у одного даже болтался на поясе скребок для чистки шкур. Воины империи в разведке. Пока цезари решают судьбу мира, такие вот грубые простые люди решают судьбу цезарей.

Они смотрели на меня с хмурым интересом – и я с таким же чувством поглядывал на них: я знал, что моя бабка Меса заплатила солдатам стоявшего по соседству с Эмесой Legio III Gallica столько же, сколько платил по большим праздникам Каракалла, и теперь легионеры прикидывали, стоит ли шкура выделки.

«Поэтому они и нарядились кожевниками», – засмеялся кто-то у меня в голове. После моего спуска в Аид такие голоса раздавались в ней часто: лекарь Ахилл сказал, что это духи, ставшие моими друзьями.

Заиграли флейты, и я начал свой обычный храмовый танец, который повторял уже столько раз, что мог даже не следить за движениями тела. Если после моего бега по загробным лестницам на меня и снизошла какая-то сила, пока я ее не чувствовал.

Все прошло как обычно. Конечно, я волновался. Нравлюсь ли я воинам? Станут ли они рисковать жизнью за нашу семью? Я не знал. Когда я закончил танец, солдаты просто ушли.

Вечером я увидел Ганниса.

– Ты опять накрасил лицо, – сказал он. – Солдаты, приходившие в храм, даже не поняли, кто танцевал – мальчик или коротко стриженная девочка.

– Мне все уши прожужжали, что я должен им понравиться, – ответил я. – Что плохого в том, что я хотел выглядеть красиво?

– Послушай, Варий, – сказал Ганнис, – я скажу тебе сейчас довольно бесстыдную и оскорбительную вещь, но от нее может зависеть наше спасение. Поэтому заранее прошу меня извинить.

– Извиняю.

– Красивым мальчикам свойственны женские мысли, поэтому они иногда украшают себя как женщины. Это ошибка. Мужчины действительно используют мальчиков вместо женщин, но мальчик нравится мужчине совсем иначе, чем женщина. Поэтому, если ты хочешь по-настоящему понравиться солдатам, изобрази не маленькую блудницу, а маленького воина. Ты очень красив без всяких румян, поверь знатоку. Ахиллу нужен Патрокл, а не маркитантка. Ахилл может, конечно, получить удовольствие с маркитанткой, но в бой за нее он не пойдет.

Я хмуро кивнул.

– Спасибо за науку, учитель. Но во-первых, я не собираюсь ублажать твоего друга-лекаря, служи ему Патроклом сам…

– Варий…

– А во-вторых, я пользуюсь румянами и помадой не потому, что хочу нравиться другим. Я хочу нравиться себе. И я делаю это не как женщина и не как мужчина, а как я сам.

– Но ведь тебе всего четырнадцать. Зачем тебе румяна?

– Тебе уже за пятьдесят, – сказал я, – а ты румянишься столько лет, сколько я тебя помню, хоть ты никакой не евнух. И еще ты бреешь голову, чтобы, уничтожив последние волосы, скрыть вместе с ними и плешь. Можешь

объяснить зачем?

Ганнис даже покраснел. Такого он не ждал.

– Но ведь ты мальчик, Варий. Разве нет?

– Я не знаю, – ответил я. – Трудно сказать.

На меня напало упрямство. Ганнис знал, что в такие минуты лучше со мной не спорить – и решил зайти с другой стороны.

– Хорошо, – сказал он. – Тогда давай договоримся так – ты будешь кем тебе угодно, но потом. А сейчас ты должен изобразить перед солдатами мальчика. Маленького Каракаллу. Каракалла никогда не подкрашивал глаз. Наоборот, он рисовал себе бороду. Он с детства играл в солдата. Покажи им маленького Каракаллу, солдаты очень его любили. А когда мы будем в безопасности, ты сможешь нарисовать себе брови до ушей. Я сам принесу тебе все инструменты и краски, клянусь.

– Значит, сегодня мне надо нарисовать бороду? – спросил я.

– Нет, – улыбнулся Ганнис. – Достаточно не румянить щек и не подводить бровей. Когда Рим будет твоим, никто не посмеет тебе этого запретить.

– Рим будет моим? – переспросил я с недоумением. – Почему? С какой стати?

– Твоя бабка решила, что единственный шанс спасти всех нас – это сделать тебя императором. И она права. Солдаты Третьего Галльского ненавидят Макрина и готовы на мятеж. Но им нужно знамя. Нужен не просто незаконный сын Каракаллы, нужен маленький Каракалла.

– Хорошо.

– Ты похож на отца лицом, так говорят все. Будь похож на него и духом. Из Никомедии скоро привезут его детскую одежду. В ней ты будешь каждый день танцевать маленького императора. И никаких румян, запомни еще раз. Никакой косметики вообще.

– Я понял.

– Завтра в храм придет много солдат. Это будет наш Рубикон. Желательно, чтобы мы не утонули при переправе. Ты должен понравиться солдатам, Варий, но не так, как ты хотел сегодня…

Я понимал, конечно, о чем он говорит.

На следующий день весь храм был полон солдат. Многие, не скрываясь, пришли в красных солдатских туниках и с оружием на поясах. Как и просил Ганнис, я не красился, не румянился и даже оставил волосы всклокоченными, как будто только встал со сна. Вчера я заметил, что солдаты небрежно причесаны – если причесаны вообще – и это была моя военная хитрость.

Они смотрели на меня молча, когда я начал свой танец, и никак не выражали своих чувств. Конечно, я опять волновался. Но все вдруг изменилось.

Я заметил на холщовой сумке одного из солдат грубо намалеванный силуэт быка – и под ним буквы:

LEGIIIGAL

Legio III Gallica. Бык! Бык был символом Третьего легиона – я столько раз видел его на военных штандартах. Вот этого быка мне следовало победить.

Но я ведь уже одолел его, призвав Элагабала!

Бык в латах воина! Я не забывал про него ни на миг, просто не понимал намека судьбы. Именно на Третий Галльский, а не на древний критский ужас и указывало мое видение.

Я мог победить, потому что уже сделал это. Мне не надо было подлаживаться под солдат. Мне следовало станцевать себя, уже отмеченного солдатской

любовью и заслужившего их преданность. И, как только я понял это, мое тело стало двигаться само.

Я прошел перед ними решительно, прошел перед ними незабвенно, прошел перед ними задумчиво и прошел перед ними геройски. А потом я прошел перед ними победоносно, и когда я завершил второй круг, я уже был цезарем. Я знал это, и солдаты знали тоже.

Но было кое-что еще, чего они не знали. Я танцевал не для них, а для Камня. И Камень внимательно смотрел на меня своим единственным оком из черной треугольной глазницы.

Солдаты расходились молча, боясь нарушить святость и тишину храма. Но многие оглядывались и салютовали мне – оружием в ножнах или простертой рукой.

Вечером Меса сказала мне:

– Ты смог. Завтра мы пойдем в лагерь Третьего Галльского, и они объявят тебя новым императором…

Она уставилась на меня, ожидая, что я выскажу удивление. Но я молчал. Она недовольно покачала головой и сказала:

– Они верят, что ты сын их любимого Каракаллы. Твой танец им это доказал. Впрочем, я заплатила им столько денег, что могла бы сделать императором свою мальтийскую собачку.

С бабкой лучше было не спорить.

– Пока ты дурачился перед солдатами, привезли одежду Каракаллы. Иди померь ее, внук. Надеюсь, ты не заразишься чесоткой или чем похуже.

Детская одежда императора.

Это была военная туника, такая же как на приходивших в храм солдатах, только пурпурная. Она оказалась мне чуть велика, но солдатам это должно было

понравиться – в бедных семьях детям шьют одежду на вырост. Привезли даже обувь маленького Каракаллы – солдатские сапожки-калиги из желтой кожи, совсем как у солдат, только очень искусно сшитые и с золотыми гвоздями в подошве. Они были великоваты, но я мог в них ходить.

Не калиги – калигулы. Сапожочки. По такому вот сапожку прозвали когда-то маленького Гая легионеры, среди которых он бегал в лагере. Его тоже одевали солдатом, чтобы завоевать любовь армии – а потом солдаты его убили. Все-таки есть в императорских судьбах нечто неизменное.

Ганнис, помогавший мне примерять новый наряд, сказал:

– Я видел тебя сегодня в храме. Тебе все удалось, мой мальчик. Это был танец.

Он выговорил слово «танец» с особой интонацией, как бы подчеркивая, что речь идет не о пьяной пляске, а о священном таинстве.

– Теперь ты понимаешь, – продолжал он, – почему я не пытался объяснить тебе, что и как делать. Я все равно не смог бы. Твой прадед Юлий говорил так: священный танец совершает невозможное не потому, что у танцующего появляется сверхъестественная сила, а потому, что невозможное вдруг оказывается естественным.

– Да, – сказал я, – правда. Но почему боги не слушают наших молитв – и внимают только танцу?

– Танец – это высшая из молитв, Варий. Когда ты танцуешь правильно, ты поднимаешься над рассудком с его мыслями и логикой, над личностью с ее привычками и даже над самой человеческой душой. Ты становишься одним целым с бесформенным и невыразимым божеством. А для божественного воления все просто. Сама собой решается всякая загадка, складывается любая головоломка: вещи и события, которые нельзя было примирить друг с другом, входят в зацепление без всякого труда, и все происходит естественно. Узлы развязываются сами, и даже бывает так, что меняется смысл прежних событий. Ведь похожее случилось?

Я кивнул.

– И чем это было? Ты можешь мне открыть?

– Бык, – ответил я. – Бык, которого я победил во сне. Это не Минотавр, а бык Третьего легиона. Воин в латах с бычьей головой. Когда я это понял, мне стало проще. И солдаты меня приняли.

Ганнис подумал, потом хлопнул себя ладонью по лбу и захохотал.

– Да, – сказал он, – да! Мне даже в голову не пришло!

– И мне. Хотя я видел эмблему Третьего Галльского много раз.

– Вот в этом и волшебство. Вещи и смыслы соединились через твой танец, и мир изменился. Третий Галльский теперь твой. Солдаты пойдут за тебя на смерть. Раньше это было невозможно, сейчас возможно только это. Так все и происходит… Ты говорил с Месой?

– Да, – ответил я. – Бабушка сказала, что ее деньги сделают меня императором.

– У победы всегда много отцов, – кивнул Ганнис, – и бабушек тоже. Деньги нужны, но их недостаточно. Солдаты не умирают за золото, они за него в лучшем случае отступают, а в худшем бегут. Если ты станешь принцепсом, много людей будет утверждать, что им тебя сделали они. Благоразумнее не спорить, а потихоньку угощать их ядом…

На следующий день солдаты Третьего Галльского провозгласили меня императором. Я уже чувствовал, что наряд маленького Каракаллы – это настоящий пурпур. Все было всерьез. Стены нашего дома в Эмесе больше не могли защитить нас, и семья, захватив самое необходимое, переехала в лагерь под защиту солдат.

Особенно тяжело трудности новой жизни переживала моя бабка Меса – у нее было много замысловатых привычек, от которых пришлось отказаться. Жизнь среди солдат стала для нее мукой. Даже ее мальтийская собачка куда-то убежала.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Сноски

1

«Мать всех распродаж», «Немезида индекса Доу», «Уолл-Крик».

2

Каменный танцор, удолбанный ответ.

3

Танцор удолбан, ответь, камень.

4

«Белое лицо, черное сердце».

5

BLM – black lives matter.

6

Перед общением с персоной неопределенного гендера в woke-кругах принято узнавать их персональные местоимения

7

Мои местоимения – иди ты к черту.

8

leo – лев, nerd – увалень.

9

Левый американский мэйнстрим.

10

«Воук» – это новое просветление.

11

«It’s got what plants crave» – «то, чего хотят растения», слоган для лимонада, которым в фильме «Idiocracy» поливали цветы. «Plants» может означать «растения» и «заводы».

12

Social justice warrior – левый активист, борющийся, помимо прочего, за право на гарантированный ежемесячный доход.

13

История поиска в интернете.

Купить: https://tellnovel.com/viktor-pelevin/nepobedimoe-solnce-kniga-2

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити